

СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ ВСЕГДА ОСНОВАНО НА ПРАВИЛЬНОМ ПОНИМАНИИ И ПРИМЕНЕНИИ ЗАКОНА

На совещании, состоявшемся 5 апреля 2019 г. в Минске в новом здании Верховного Суда, обеспечение справедливого судебного разбирательства было названо одной из главных задач совершенствования деятельности судебной системы. Как следствие, оживилась дискуссия о реализации принципа справедливости в судебной деятельности. Своим пониманием данного принципа и мнением о том, исходя из каких критериев судебное решение по спорам экономического характера следует оценивать как справедливое, в интервью журналу поделился заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, председатель судебной коллегии по экономическим делам Юрий КОБЕЦ.

– Юрий Викторович, о том, что справедливость правосудия – основной критерий, по которому общество оценивает судебную систему, уже не раз говорилось с высоких трибун. Каким требованиям, с Вашей точки зрения, должно отвечать справедливое судебное решение?

– Право на справедливое судебное разбирательство закреплено во многих международных правовых актах по вопросам правосудия, в том числе в основополагающем документе Совета Европы – Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Кодекс о судостроительстве и статусе судей также указывает, что при осуществлении правосудия судьи должны быть справедливыми и беспристрастными, то есть выносить справедливые судебные решения.

Сложность заключается в том, что единого понимания справедливости нет. Более того, справедливость не существует как объективная реальность, ее носителем всегда выступает человек, в нашем случае – судья.

Неслучайно Кодекс чести судьи Республики Беларусь, принятый на съезде судей в 1997 году, содержит комплекс морально-этических требований, предъявляемых к личности судьи.

Ведь, как правило, судебное решение воспринимается большинством людей как справедливое, если оно соответствует общепринятым моральным, этическим нормам. При этом закон предлагает некое универсальное решение той или иной правовой проблемы, а стороны (граждане и юридические лица) хотят, чтобы суд вник в их конкретную ситуацию.

В этой связи одна из главных задач судьи при рассмотрении любого дела – определить баланс между правовой и общественной оценкой принимаемого судебного постановления.

Но отправной точкой, на мой взгляд, служит следующий постулат: справедливое решение должно в полном объеме соответствовать требованиям как материального, так и процессуального права с допустимыми основаниями для применения аналогии

закона и аналогии права. Причем важно понимать, что право не может защищать пусть формально законное, но не честное, не признаваемое в обществе должным поведение. В этой связи ст. 9 ГК прямо указывает на недопустимость действий граждан и юридических лиц, осуществляемых исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребления правом в иных формах. В случае установления факта такого злоупотребления суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права. Такой подход согласуется и с положениями ст. 27 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

– Когда мы говорим, что справедливое судебное решение – это прежде всего решение, соответствующее закону, нужно быть готовым к вопросу о том, всегда ли справедлив закон. На Ваш взгляд, возможны ли ситуации, когда строгое соблюдение судом закона может повлечь явную несправедливость?

– По моему убеждению, закон – это инструмент, который позволяет суду восстановить нарушенное право. Да, у этого инструмента могут быть недостатки, но потому и важно, кто и как этот инструмент использует.

При этом в основе любого справедливого решения всегда лежит норма диспозитивного права. Ориентация исключительно на достижение справедливости, как ее понимает конкретный судья, при игнорировании норм законодательства недопустима. Более того, подобный подход как раз и чреват тем, что может породить еще большую несправедливость. Вместе с тем, если спор может быть разрешен несколькими правомерными способами, суд выбирает тот из них, который

наиболее отвечает запросу общества на справедливость как равенство возможностей.

Поэтому не соглашусь с тем, что строгое соблюдение судом закона может повлечь явную несправедливость. Наоборот, неумение глубоко вникнуть в суть спора и правильно применить закон способны стать причиной принятия несправедливого судебного постановления.

– Возможно ли выработать единые критерии оценки справедливости судебного решения?

– Многие зарубежные эксперты не воспринимают справедливость как правовой термин, а считают ее категорией философской, социальной, нравственной. Такую же точку зрения, знаю, разделяет и часть отечественных юристов. Потому вопрос о возможности четко определить содержание понятия «справедливость» как правовой категории и выработать критерии, о которых Вы говорите, в современной юридической науке остается дискуссионным именно в связи с нравственным характером этого понятия.

Но хотя определить такие критерии довольно сложно, рискну утверждать, что это возможно – в результате масштабной дискуссии с привлечением широкой научной и юридической общественности, предпринимательского сообщества. Было бы ценно услышать мнение адвокатов, ведь они – в первом ряду заинтересованных в справедливости принятого судом решения. Хотелось бы, чтобы свое видение справедливости в данном контексте высказали контрольные (надзорные) органы, представители исполнительной и законодательной власти.

Запрос на справедливость в нашей стране велик, на это не раз обращал внимание Президент Беларуси, называя социальную справедливость важнейшей составляющей идеологии белорусского государства. И, полагаю, правы те ученые, которые называют правоприменительную практику юридическим средством реализации принципа социальной справедливости.

Представляется, что фундаментом для выработки критериев соблюдения принципа справедливости, в том числе в судебном правоприменении, могут служить основные начала гражданского законодательства, закрепленные в ст. 2 ГК, положения Директивы Президента Республики Беларусь от 31.12.2010 № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», принципы взаимодействия государственных органов, их должностных лиц с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, определенные в п. 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 23.11.2017 № 7 «О развитии предпринимательства», принципы налогообложения, изложенные в ст. 2 НК.

– Существуют ли какие-то специфические критерии оценки решения по экономическому спору как справедливого? И какие факторы должен принимать во внимание судья при вынесении законного и справедливого решения?

– Специфика рассмотрения экономических споров заключается в том, что его результат зачастую серьезным образом влияет на хозяйственную деятельность сторон по делу, затрагивая не только самих субъектов – участников спора, но и их учредителей, работников, отношения с контрагентами, возможность исполнения обязательств

перед ними. Иными словами, одно судебное решение может породить цепочку последствий для организаций и конкретных людей.

В этой связи при рассмотрении экономических дел суду всякий раз необходимо оценивать экономические последствия принимаемых решений. В каждом судебном решении должны быть экономическая логика, польза и смысл. Только при таком подходе можно выполнить ту задачу, которую поставил Глава государства в Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, произнесенном в 2018 году, – обеспечить верховенство закона без ущерба экономическому росту. Как это реализуется в практической деятельности? Приведу пример.

По заявлению хозяйственного общества экономической суд признал частично недействительным распоряжение налогового органа о взыскании в бюджет штрафа за несвоевременное исполнение обязательства о перечислении суммы дивидендов, начисленных на принадлежащие Республике Беларусь акции. Вынося решение, суд исходил из того, что мера воздействия в виде штрафа в размере 100% всей суммы дивидендов, а не в размере неуплаченной суммы, не соответствует требованиям подп. 1.18 п. 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 20.03.1998 № 3 «О приватизации государственной собственности в Республике Беларусь», а также характеру такой меры ответственности, как штраф. Суд учел, что в силу п. 1 Декрета № 7 взаимодействие государственных органов, иных государственных организаций, их должностных лиц с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями основывается в том числе на принципе соразмерности наказания характеру совершенного субъектом хозяйствования правонарушения

и наступившим в результате его совершения последствиям. При этом суд указал, что несоизмеримо большой штраф может превратиться из меры воздействия в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности, что в силу положений Директивы № 4 недопустимо.

Как видите, положения Директивы № 4 и Декрета № 7 непосредственно применяются экономическими судами и служат обоснованием выносимых постановлений.

– На состоявшемся в августе в Верховном Суде круглом столе по вопросам применения норм налогового законодательства в хозяйственной деятельности лейтмотивом звучал тезис о том, что принцип справедливости следует обеспечить и при рассмотрении споров с участием контролирующих органов. В чем будет выражаться справедливость судебного разбирательства по таким спорам?

– Сущность справедливости едина при рассмотрении любого экономического спора, в том числе и при обжаловании действий контролирующих органов и их должностных лиц и принятых ими решений. При этом противопоставлять контролирующие органы субъектам хозяйствования абсолютно неправильно. Специфика деятельности контролирующих органов в том и состоит, что они должны сомневаться и доказывать обоснованность своих сомнений. Говоря откровенно, бизнес тоже не всегда прав и порой склонен забывать о том, что справедливость выражается в том числе и в соблюдении баланса интересов бизнеса и государства, которое несет основное бремя социальных обязательств.

Например, частное унитарное предприятие пыталось оспорить в суде решение контролирующего органа о доначислении налогов. По результатам проверки должностными лицами контролирующего органа установлено и впоследствии доказано в суде, что в течение трех лет предприятие не осуществляло и не могло осуществлять реальную финансово-экономическую деятельность с двумя субъектами хозяйствования. Вместе с тем бухгалтерские документы предприятия содержали заведомо ложные сведения о приобретении у этих субъектов товарно-материальных ценностей на значительную сумму, что позволило представить в налоговый орган данные о завышении расходов и таким образом снизить налоговую базу, недоплатив в бюджет налог на прибыль. Решением суда в удовлетворении жалобы было отказано.

Уверен, что при изложенных обстоятельствах ни у кого не вызовет сомнения не только законность и обоснованность, но и справедливость данного судебного постановления как с точки зрения экономической логики принятого решения, так и с точки зрения правовой и нравственной оценки ситуации.

– Вы привели пример типичного налогового спора. Вопрос о том, как будет складываться практика применения новых правил корректировки налоговых обязательств, волнует все бизнес-сообщество. Удалось ли в ходе упомянутого круглого стола и иных совместных мероприятий с заинтересованными ведомствами прийти к некому общему пониманию того, как будет работать на практике п. 4 ст. 33 Налогового кодекса?

– В результате обсуждения спорных вопросов с контролируемыми и иными заинтересованными государственными органами нам действительно удалось

выработать некоторые позиции, которые в целом разделяют все ведомства. Прежде всего, отмечу, существует общее понимание того, что и судам, и контролирующим (надзорным) органам важно обеспечить прозрачность практики применения п. 4 ст. 33 НК и регулярно информировать субъектов предпринимательской деятельности о допустимых условиях налоговой оптимизации.

Непосредственно Верховным Судом сформулирован ряд подходов, которых рекомендовано придерживаться экономическим судам при рассмотрении дел, в том числе при проверке законности ненормативных актов и действий контролирующих (надзорных) органов. Так, во-первых, мы исходим из того, что субъект предпринимательской деятельности в целях эффективного ведения бизнеса вправе использовать различные режимы налогообложения, предусмотренные законодательными актами. Во-вторых, формальные нарушения порядка составления первичных учетных документов не должны служить основанием для корректировки налоговой базы, если отсутствуют доказательства того, что налогоплательщик преследовал цель необоснованного получения налоговой выгоды. В-третьих, субъект предпринимательства не должен нести ответственность за действия третьих лиц. Наконец, при выявлении взаимоотношений с контрагентом, чья деятельность не была добросовестной, корректировка налоговой базы в отношении добросовестного налогоплательщика не должна применяться, если не доказано, что контрагенты действовали сообща в целях необоснованной минимизации своих налоговых обязательств.

Более подробно правовые позиции, касающиеся применения п. 4 ст. 33 НК, изложены в разъяснении, направленном Верховным Судом в эконо-

мические суды еще в мае этого года. Это разъяснение размещено в открытом доступе на интернет-портале судов общей юрисдикции, с ним может ознакомиться любой желающий.

Подчеркну, что эти подходы, по существу, уже реализуются на практике. Например, налоговый орган вынес решение о доначислении хозяйственному обществу налогов и пеней на том основании, что представленные проверяемым субъектом первичные учетные документы имели недостатки, которые, по мнению проверяющих, свидетельствовали об отсутствии реальности совершенных обществом хозяйственных операций. Общество оспорило это решение в суде, представив в ходе судебного разбирательства доказательства, подтверждающие хозяйственную деятельность с контрагентами. Экономическим судом установлены обстоятельства, свидетельствующие о полноте уплаты налогов, в связи с чем, несмотря на формальные нарушения порядка составления первичных учетных документов, требования заявителя были удовлетворены.

На наш взгляд, отталкиваясь от сформулированных подходов, основываясь на обобщении судебной практики и правоприменительной практики наших коллег, возможно прийти к единому пониманию критериев справедливости судебного решения.

– К компетенции экономических судов также отнесен ряд дел об административных правонарушениях, преимущественно совершаемых в экономической сфере. Каким образом реализуется принцип справедливости при рассмотрении таких дел?

– При рассмотрении дел об административных правонарушениях мы исходим из убеждения, что не штрафы

пополняют бюджет, а честно уплаченные налоги. Поэтому наша реакция при рассмотрении каждого административного дела должна быть разумной, соразмерной совершенному правонарушению, отсюда и справедливая.

Так, недавно в одном из экономических судов было прекращено производство по делу об административном правонарушении по ч. 1 ст. 13.6 КоАП (неуплата или неполная уплата суммы налога, сбора (пошлины), таможенного платежа) в отношении ООО. Суд установил, что общество допустило просрочку уплаты налога на добавленную стоимость на семь дней. При этом ООО в полном объеме уплатило пеню за допущенную просрочку и предприняло все возможные в сложившейся ситуации меры для скорейшей уплаты налога. Такие действия юридического лица суд расценил как добровольное исполнение возложенной на него обязанности, за неисполнение которой налагается административное взыскание, что послужило основанием для освобождения предприятия от административной ответственности, размер которой составил бы значительную сумму.

Полагаю, в этом случае можно говорить о справедливости судебного постановления, поскольку, во-первых, было обеспечено верховенство закона – субъект хозяйствования понес ответственность в виде пени за несвоевременное исполнение обязанности, во-вторых, экономической деятельности предприятия не был нанесен ущерб, в-третьих, мотивы принятого по делу решения носят стимулирующий, а не карательный характер. То есть был найден тот баланс, о котором я говорил.

В целом при рассмотрении дел об административных правонарушениях экономические суды много внимания уделяют изучению причин, по которым

были допущены нарушения. В результате все чаще суды прекращают производство по делу ввиду малозначительности совершенного административного правонарушения, отсутствия в деянии состава административного правонарушения, недоказанности виновности лица, в отношении которого ведется административный процесс.

– В настоящее время идет работа над проектом единого процессуального кодекса по гражданским и экономическим делам. На Ваш взгляд, нужно ли в нем закрепить требования справедливого судебного разбирательства, справедливости решений суда?

– Действительно, положения о справедливости фигурируют почти во всех процессуальных кодексах. Так, в ХПК справедливое судебное разбирательство провозглашено одной из целей судопроизводства, в КоАП говорится о необходимости справедливого разрешения дела и справедливости вынесенного постановления. Лидирует же в этом смысле УПК, в котором утверждение справедливости названо одной из задач уголовно-процессуального закона и прямо сказано, что назначаемое наказание и приговор суда должны быть справедливыми. А вот в ГПК справедливость прямо не упоминается.

Однако вопрос о том, необходимо ли закрепить требования справедливости в едином Кодексе, в каком виде и форме это лучше сделать, нуждается в широком и содержательном обсуждении. Пользуясь случаем, хотел бы пригласить к участию в дискуссии судей, представителей юридического сообщества нашей страны, всех заинтересованных в реализации данного принципа на практике.

Беседовала **Н. Радковская**